

Елена Васильева: *Сегодня. - 1994. - 14 окт. - с. 10.* Пуччини я пою ради заработка, а Денисова — для удовольствия

Елена Васильева — имя, пока еще не слишком известное нашим меломанам. Французская певица русско-немецкого происхождения, как сказано о ней в справочниках, вошла в вокальную элиту в начале восьмидесятых, когда стремительно получала одну премию за другой — первый приз на Конкурсе мастеров французского пения (1982), приз Дариуса Мийо (1982), премию за лучшую оперную роль года — Манон в парижской премьере оперы Хенце «Бульвар Одиночество» (1984). Васильева работает в самых разных жанрах — от романсов и ораториально-кантатных сочинений до оперы и оперетты. Мы разговариваем с ней до начала бурного сезона, в котором ей в качестве старта предстоит спеть Мими в «Богеме» Пуччини на нескольких сценах Южной Франции. Разговариваем по-русски, но дефекты выговора, лексики и стиля оставляем за пределами письменного текста, а уточнения на французском языке переводим в подтекст.

Алексей Парин

— Какой язык для вас родной?
— У меня были очень тесные отношения с моим русским отцом, замечательным человеком. Мы подолгу беседовали с ним по-русски, и он иногда подводил итог: «Сегодня неплохо, всего сорок восемь ошибок». Два года назад отец умер — я пережила огромную потерю.
— А где вы родились?
— Во Франции. Мой дедушка был русским послом в Тавризе, сразу после революции он эмигрировал во Францию. А моя мама — немка.
— Тем не менее родной язык — французский?
— Да, так можно сказать. Но я говорю и по-немецки. Мои родители разошлись, и я жила с отцом во франкофонной среде. Отец говорил по-французски, как француз, а мои братья — можно сказать, на-стоящие французы. С сестрой Лизой и с ее мужем, русским, я говорю, разумеется, по-русски. Отец купил большой дом в Страсбурге, и в нем я провела детство и юность.
— Ваш отец носил фамилию Васильев?
— Нет, это мой псевдоним. Моя настоящая фамилия — Голубинова. Элизабет Шварцкопф, с которой я занималась вокалом — и продолжала заниматься до сих пор, сказала мне: «Елена, представь себе, кто это из западных людей сможет выговорить: Го-лу-би-но-ва? Надо что-то покороче, познакомей». Мы с агентом долго искали, перебрали много имен. Имя отца не подошло, тоже длинное — Ростислав. Остановились на Васильевой.
— Прежде чем заняться музыкой профессионально, вы, насколько я знаю, занимались наукой.
— Да, я отдала долг семейной традиции. Отец мой был геологом, его лаборатория была прямо в нашем доме, а я училась биологии, получила надлежащий диплом. Но потом пение стало занимать все больше и больше места в моей жизни, и я спрятала свой диплом.
— Вы учились пению на частных уроках или в консерватории?
— В парижской Консерватории, параллельно с обучением в университете. Я занималась в классе Режи Креспен.
— Ее ведь считают лучшей французской певицей послевоенной эпохи?
— Да, это так. Я занималась не только вокалом, но и всеми теоретическими дисциплинами, потому что считала: в первую очередь я музыкант, а уже потом певица. Я с детства играла на рояле и арфе, продолжала заниматься как пианистка. Во время прослушиваний иногда сопровождала себя сама — в Сент-Этьенне, например, внезапно заболел пианист, и я пела под собственный аккомпанемент. Арфу просто обожаю, всегда заглядываю в партитуру — что там написано для арфы? Вообще моя любовь к музыке идет от семейной традиции: мы дома устраивали концерты. Хотя папа сам не играл, а дедушка и вовсе был лишен музыкального слуха. Но мои братья и сестры влюблены в музыку.
— И тем не менее, наверное, можно сказать, что французы в целом — народ немзыкальный?
— О, конечно. В этом смысле между немцами и французами лежит пропасть.
— Теперь поговорим о вашем настоящем. Насколько я могу судить по западной прессе, вы неизменно получаете очень высокие оценки критиков в разных областях — в оперной классике и в современной музыке. А вы сами что предпочитаете, чему отдана ваша душа?
— Без оперных ангажементов жить просто невозможно. Я пою

мейнстримные оперные партии — Пуччини, например, — чтобы заплатить налоги. А моя истинная любовь — современная музыка.
— А можно ли петь эту самую классическую музыку, не любя ее? Или, когда вы ее поете, вы ее все же любите?
— Когда я пою Моцарта, я его просто обожаю.
— А Норму Беллини?
— Знаете, когда я пою, мне нужно найти смысл каждой ноты, каждой фразы. Я должна понять, что в этой музыке мое, мне

стей для классики. Вы любите современную музыку — что вы скажете об этой проблеме?

— Мне кажется, сегодня певец не может жить без нового. Время прималонн ушло, имидж дивы в роскошной шубе и бриллиантах надо забыть. Певица выглядит совсем иначе, она сидит у телефона, посылает факс, шесть часов в день учит новое сочинение, обсуждает детали исполнения с композитором. Певица — не томная дива, которая рассказывает журналистам грудным голосом о достоинствах своего по-

следнего брильянта, а одержимая музыкой деловая женщина. И еще добавлю, что я никогда не ставлю перед собой задачу во что бы то ни стало петь современную музыку, я хочу петь хорошую музыку, музыку, которая мне нравится, и все. Музыка — это вопрос вкуса. Если есть вкус, то внутри сочинения, по ту сторону нот, есть настоящая музыка.

— Армянский композитор Авет Тертерян говорит, что не существует проблемы узнавания хорошей музыки,

хочется пением постичь ее. А Беллини — для меня лично это ужасная музыка, пустая. Хотя, впрочем, очень удобная для голоса, что правда, то правда.

— Вы с удовольствием поете Моцарта — и, наверное, Баха?

— Да, конечно.

— Значит, для вас именно итальянская оперная музыка сомнительна в художественном отношении?

— Да, это так. Год назад я пела на сцене Леонору в бетховенском «Фиделио» — ни о какой сомнительности тут, естественно, не может идти речи. Из расхожей оперной классики я много и с удовольствием пою Рихарда Штрауса, в концертах исполняю его Четыре последних песни, шедевр жанра. Из Вагнера больше всего люблю партию Евы в «Нюрнбергских мастерзингерах».

— А из опер XX века что вы любите больше всего?

— Обе оперы Берга, «Ожидание» Шенберга, «Солдаты» Бернда Алоиса Циммермана. Эту музыку хорошо знаю и хочу петь.

— Вы много поете новой музыки, произведения композиторов, которых вы хорошо знаете лично.

— Да, из французских я много пою Анри Дютйе, Бетси Жолас, Андре Бона — за его «Похищение Персефоны» я получила премию. Мною записаны все вокальные сочинения Луиджи Даллапицкола. Я напела целый диск вокальных циклов Эдисона Денисова, сочинения Софии Губайдулиной, мне нравится музыка Александра Раскатова, Елены Фирсовой, Александра Кнайфеля. Конечно, особенно ценю, когда композиторы пишут специально для меня — а такого немало.

— Сколько вечеров в сезон вы поете?

— Точно сказать не могу, но примерно сто. Когда сезон начинается, я нахожусь словно в тумане: многое запланировано заранее, а кое-что возникает спонтанно, когда предлагают что-то особенно интересное. Не надо забывать, что большое место в моей деятельности занимают лидерабенды, в основном монографические программы. В последнее время стала давать и мастер-классы.

— Во Франции, если верить заявлениям специалистов, вокальная школа находится в упадке?

— Да, это так. В своих мастер-классах я стараюсь привить исполнительскую культуру, доказать, что современную музыку надо петь совершенно с вокальной точки зрения, а не абы как.

— Большинство певцов считает, что современная музыка опасна для голоса, что исполнение новых сочинений убивает голос. С другой стороны, к авангарду часто обращаются вокалисты, у которых просто нет вокальных возможно-

с первых нот слышно, музыка это или немусика.

— Да, обобщаться нельзя, все очень просто.

— Мы начинали беседу с разговора о ваших русских корнях. А теперь — о вашем русском настоящем. Какие русские партии есть в вашем репертуаре, что бы хотели спеть в России?

— Мне бы очень хотелось спеть в концерте сцены и арии из русских опер с оркестром, Лизу, Татьяну, Марфу из «Хованщины», Ренату из «Огненного ангела». И моя мечта — концерт памяти Кэти Берберян, первое отделение из ее произведений — почему нет? Это была не только великая певица, но и очень интересный композитор. Я коротко познакомилась с ней в мастер-классе, но получила от нее страшно много.

— Берберян пела не только авангард — Кейджа и Берно, но и феноменально исполняла Монтеверди. А вы поете старинную музыку?

— Да, в Петербурге я исполнила кантату Перголези «Орфей», которая была совсем недавно найдена в архивах. Переходить от авангарда к старинной музыке — вопрос вокальной техники. Если я слышу какие-то погрешности в своем вокале, я сразу делаю стойку: как убить этот изъян?

— Это идет от вашей наставницы — Элизабет Шварцкопф, ведь она всегда была фанатиком технического совершенства?

— Пожалуй, да. Я тоже фанатик вокального качества. Мне бы хотелось петь русское бельканто — Глинку, а рядом арии Штокгаузена и Берно, песни Кнайфеля и Шнитке.

— Русские сопрано делятся на два типа: Лиза и Татьяна. Вы кто?

— Я, безусловно, Лиза. Хотя Татьяна пела на сцене, в Барселоне, когда получила там премию. Татьяна как образ для меня слишком на поверхности, в Лизе больше глубины, тайны. Но папа очень любил «Евгения Онегина», и я делала ему подарок, когда пела Татьяну. Я ему позвонила из Барселоны и сказала: «Папа, я пою специально для вас».

— Вы были с отцом на вы? На всех языках?

— Да, по-русски, по-немецки, по-французски. Он был настоящий дворянин из восемнадцатого века, больше того, грансеньор. Сейчас таких не встретишь.

— Последнее. Ваш следующий приезд в Россию.

— В ноябре я спою в Москве и Петербурге с Марком Пекарским Три гимна Шнитке, «Плачи» Эдисона Денисова и «Гракаха» Александра Раскатова. А потом приеду в декабре на «Русскую зиму».